

18+

Анна Данилова

ОСЕННИЕ КАНИКУЛЫ

«...сейчас она ощутит всем телом
ледяную серую зыбь реки...»

Анна Данилова

**Осенние каникулы. «...
Сейчас она ощутит всем телом
ледяную серую зыбь реки...»**

«Издательские решения»

Данилова А. В.

Осенние каникулы. «...Сейчас она ощутит всем телом ледяную серую зыбь реки...» / А. В. Данилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835922-4

Странные, жестокие преступления распутывает благодаря своему дару «видеть» Наталия Орехова. Куда приведет кровавый след убийства молодой учительницы математики? Какой зверь разорвал юного Германа? Не собака и не кошка... Почему от трупов пахнет копченой рыбой и нафталином? И главное: кому принадлежало женское тело, выловленное рыбаками из реки в холодном ноябре? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-835922-4

© Данилова А. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Осенние каникулы
«...Сейчас она ощутит всем телом
ледяную серую зыбь реки...»

Анна Данилова

© Анна Данилова, 2016

© Анастасия Романова, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4483-5922-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Возвращение

... Сначала она бежала по полю, исколотые ноги уже никак не реагировали на боль. Казалось, боль стала ее естественным состоянием. Ветер со снегом забивался в растрепанные, хлеставшие по лицу, длинные волосы... Тело заледенело, мокрая тяжелая юбка сковывала движение, правая рука еще инстинктивно придерживала на груди порванную клетчатую мужскую рубашку, но и это не спасало от пронизывающего ветра и холода.

Остановившись у самой кромки воды, она, содрогаясь при мысли, что сейчас она ощутит всем телом ледяную серую зыбь реки, оглянулась... Никого. Тем лучше... Зажмурила глаза и невольно застонав, вошла в воду...

– С возвращением, – Логинов чмокнул ее в щеку и обнял. – Соскучился, сил нет... Мы без тебя заживаемся...

Они стояли посреди зала и обнимались. Аэропорт в этот ночной час выглядел опустевшим и нереальным. Наталья только что прилетела из Москвы, а ведь еще вчера утром была в Лондоне... Она все-таки отвоевала себе это право: путешествовать в одиночестве и не лгать при этом Логинову. На вопрос, на какие средства она полетит в Англию, Ната ответила столь туманно, что понять можно было ее, лишь полностью абстрагировавшись от реальной жизни. «Понимаешь, у меня были кое-какие сбережения... Кроме того, я же не бездельничаю... С помощью своего дурацкого дара мне удалось расстроить несколько бесперспективных браков... Я спасла людям, можно сказать, жизни... И, что самое главное – их кошельки. И еще, Логинов, у меня от тебя столько тайн, что тебе потребуется не одна жизнь, чтобы вывести меня на чистую воду. Поэтому или воспринимай меня такую, какая я есть, либо давай расстанемся... Мне бы хотелось быть честной с тобой, и хотя в полной мере претворить это в жизнь практически невозможно, так давай хотя бы в таких мелочах, как путешествия или просто поездки, быть самими собой. Мне надоело врать тебе о том, как прекрасно я провела месяц у тетки в деревне, когда я все это время загорала на юге Франции и перепробовала все имеющиеся там местные вина...»

И Логинов сдался. Он понимал, что ее все равно не удержишь, а потому лишь вздохнул и согласился: в конечном счете, каждый человек сам волен выбирать себе свой образ жизни. И не такая уж трагедия, что Наталия со своим талантом и образом мышления не вписывается в ЕГО представления о потенциальной жене. Кроме того, ему не верилось, что она когда-нибудь все же согласится на этот брак: уж слишком она была своевольна, капризна и самодостаточна. Но он любил ее, а потому был обречен делать вид, что понимает ее.

Конечно, он давно подозревал, что она зарабатывает себе деньги сомнительными услугами, но во всем винил Сару. Только такая женщина, как Сара могла надоумить Наталью делать деньги на чужом горе. Схема, как предполагал Логинов, была элементарна до неприличия: Наталия ВИДИТ нечто, имеющее отношение к личной жизни сильных мира сего (то есть состоятельных людей города – клиентов Сары – директрисы косметического салона «Кристина») и за деньги предупреждает их либо о грозившей им опасности, либо сообщает детали, имеющие в частной жизни большое значение: например, измена, обман, финансовые махинации... Ну и, конечно, занимается поиском людей. И наверняка не задумывается при этом, ДЛЯ ЧЕГО ищет человека: для жизни или смерти. И вот эта беспринципность бесила Логинова – прокурора города, больше всего. Мысль о том, что его подруга по уши увязла в совершенно непо-

нятных, но явно с криминальным душком, делах, заставляла его быть в постоянном напряжении. Во-первых, он переживал за нее, потому что знал, насколько она увлекающаяся натура, насколько азартна и непредсказуема, когда речь идет о раскрытии преступления или распутывании интересных для нее дел. Во-вторых, он, как человек, обязанный осуществлять надзор за исполнением законов, все чаще и чаще вставал в тупик, сталкиваясь с параллельным расследованием, которое проводила Наталия. Как часто приходилось им работать вместе, дополняя друг друга и постоянно находясь в состоянии компромисса, только чтобы не подражаться, как кошка с собакой, добывая ценную информацию. Но если Логинову со своими помощниками приходилось действовать по хрестоматийной, ЗАКОННОЙ схеме, то Наталия использовала в своем арсенале АБСОЛЮТНО ВСЕ, и действовала, как правило, незаконно. Она шла на риск, не задумываясь, и лишь в редкие минуты в ней проявлялась ее женская суть, и тогда она искала помощи и понимания у Логинова. Она становилась беспомощная и слабая, как только что народившийся котенок, и искала тепла в его объятиях. Чаще всего это происходило, когда ей действительно угрожала смертельная опасность. Трезво оценив степень риска, она словно ужасалась своих действий и, преодолев гордыню, признавала, что была на волосок от смерти.

– Как Соня? – спросила Наталия.

Они ехали в машине по ночному городу, прижавшись к друг другу. За рулем сидел Сергей Сапрыкин, друг и помощник Логинова. Он же являлся женихом домработницы Сони, которая уже больше двух лет жила у Наталии с Логиновым и, как оказалось, тоже не спешила расставаться со своей свободой. Соня превосходно готовила, следила за чистотой в доме и с полуслова понимала Наталию. Они отлично ладили, чем несколько раздражали великого собственника и консерватора Логинова: он считал, что в квартире должны жить лишь он с Наталией, и что, раз уж есть домработница, то она должна быть приходящей. Но Соня, не смотря ни на что, продолжала жить в небольшой комнатке возле кухни, и была довольна своим положением. Это объяснялось очень просто: ей хорошо платили и, кроме того, ей не приходилось тратиться, чтобы снимать отдельную квартиру.

– А что с ней сделается? Разве что она... слегка поправилась.

– Ей полнота к лицу... Я правильно говорю, Сережа? – она ущипнула Сапрыкина за ухо.

Настроение у нее было прекрасное. Она была счастлива, что наконец-то вернулась домой. Хотя и в Лондоне она провела совершенно восхитительные две недели. Первую половину месяца она путешествовала по старой Англии, много ходила пешком, наслаждаясь местной природой и видом увитых зеленью и цветами особнячков, питалась исключительно в пабах, где перепробовала все сорта пива и познакомилась с местной кухней. Но остановив свой выбор на свиных колбасках с тушеной капустой, тоже стала прибавлять в весе. И лишь вернувшись в Лондон, который встретил ее дождем и холодом, она вновь обрела форму, совершая долгие путешествия по столичным достопримечательностям. Конечно, как и каждую женщину, ее поразила Оксфорд-стрит, самая известная торговая улица города, протянувшаяся на целую милю от Мраморной арки до Тоттенгам-роуд. Купив себе на Риджент-стрит два платья, она вернулась туда на следующий день, чтобы выбрать костюм для Логинова. И вот, перед самым отъездом, на Пикадилли, где она оказалась после того, как потратила целых сто фунтов в торговом центре Трокадеро на подарки, она, отдыхая в небольшом ресторанчике и поглощая в невероятном количестве рыбные деликатесы, и познакомилась с Гарри Робинсоном – солдатом конного караула с Хорс-Гардз, подразделения «Блюз-энд-Ройлз» и чуть было не наделала глупостей, согласившись провести с ним вечер. Сначала все было, как в хорошей мелодраме: Гарри вызвался сопровождать ее по Лондону, рассказывая на ломаном русском (его

отец был русским и держал лавку на улице Бервик-стрит, что в районе Сохо, мать была ирландкой) об интерьере Вестминстерского аббатства и о шедеврах Национальной галереи, но ближе к вечеру, когда они уставшие пришли в ее гостиничный номер, набросился на нее и чуть не прокусил ей губу.

Пришлось с ним расстаться. Причем, без сожаления. Хотя ей понравился его здоровый цвет лица, добрые карие глаза и светлые кудри, до которых ее так и тянуло дотронуться. Но, очевидно, его предки со стороны русского отца, помимо румянца и карих глаз наградили его наследственной грубостью и хамством, как иначе можно было назвать его совершенно дикий поступок. Она бы и так согласилась провести с ним время, если бы он вел себя как-то иначе. Нежнее, что ли. Тем более, что она, в принципе, была готова к этому...

– Все, приехали, – Сапрыкин взглянул на обнимающуюся на заднем сидении парочку и улыбнулся. – Если хотите, я могу оставить вас и здесь...

– Нет-нет, – рассмеялась Наталия, приводя в порядок одежду и приглаживая растрепавшиеся волосы. – Идем... Мне кажется, что я не была дома целую вечность... Кроме того, мне не терпится показать вам подарки... Если бы только видели этот универмаг Хэрродз!

– А я-то думал, что ты будешь нам рассказывать про собор Святого Павла...

– Вы мужчины – просто невыносимы... Все лондонские достопримечательности я изучила по альбомам еще ДО поездки, и представьте себе – все совпадает, и архитектура и стиль... Но магазины – это просто чудо...

Они уже входили в подъезд, как вдруг Наталия заметила в нескольких метрах от себя промелькнувшую темную фигуру, она резко обернулась и встретила взглядом с прозрачными зелеными глазами: ОН сдержал свое обещание и все же встретил ее, хотя она и предупреждала его... Она поразилась: как же так, на улице ночь, а его глаза такие же прозрачные и зеленые, как при дневном свете. Глаза, как драгоценные камни, как изумруды...

– Добрый вечер, – услышала она и, покраснев, лишь ограничилась кивком головы. Парень, который только что прошел мимо них, сделал вид, что оказался здесь случайно. А ведь он преследовал Наталию почти месяц.

Они познакомились в банке, где Наталия меняла доллары. Красивый мальчик нахально рассматривал ее в тот момент, когда она как раз пересчитывала деньги. А потом он увязался за ней и ходил почти весь день, куда она, туда и он. Толкая впереди себя корзинку в магазине, куда Наталия забежала, чтобы купить фруктов, она, увидев маячившего возле кассы паренька, поняла, что настало время объясниться. Он мог преследовать ее по двум причинам: у него было к ней ДЕЛО или же она понравилась ему просто как женщина. Она бы предпочла первое. Тем более, что судя по внешнему виду этого молокососа, он был явно при деньгах: дорогая меховая куртка, соболья шапка, высокие, тисненой кожи, рыжие сапоги и очки – золотая оправка от Ричи. Такие, как он, как правило, занимаются мелким шантажом по отношению к своим папашам-толстосумам. А для этого им необходима информация, которую может им дать только Наталия. В этом плане Сара, конечно, хорошо поработала: редкий влиятельный человек в городе не знал о способностях Наталии Валерьевны Ореховой. Возможно, ее уже и побаивались, но чаще все-таки закрывали глаза на ее информированность в прошлых делах, когда дело касалось БУДУЩЕГО.

– Тебе чего?

– Хочу с вами познакомиться, – низким молодым баском, свойственным пятнадцати-шестнадцатилетнему юноше, ответил он.

– А тебе плохо не станет. Зачем? Я же старше тебя.

Разговор происходил на крыльце магазина.

– Вы мне понравились.

– Интересно, чем?

– Вы красивая, да и прикид, что надо... Давайте встретимся, хотите, я позвоню вам...
– Не хочу. Ты для меня слишком молод. То раз уж ты весь день ходишь за мной, то донеси хотя бы пакеты... – она всучила ему в руки четыре пакета с продуктами и приказала остановить такси.

– А тачки что, нет?

– Есть. Форд тебя бы устроил?

– Устроил.

– Меня бы тоже, но я сегодня без машины... Так что поменьше разговаривай и голосуй... Она отошла в сторону и стала наблюдать, как он, переложив все пакеты в левую руку, пытается остановить машину.

Когда они уже приехали к ее дому, она сказала:

– Тебе незачем меня преследовать... У меня муж и двое детей. Поищи себе кого помоложе, понял?

Он хмыкнул и покачал головой:

– Не получится. Завтра увидите меня на этом же месте, вечером... Я хочу вас.

Она чуть было не покрутила пальцем у виска, но сдержалась: ищущий да обрящет. И, взяв из его рук свою ношу, вошла в подъезд.

И он действительно приходил к ее дому каждый день между пятью и шестью вечера, иногда заходил, чтобы погреться, в подъезд. Она наблюдала за ним из окна своей кухни, и они с Соней с удовольствием шутили на эту тему.

Но когда она увидела его в аэропорту, в день своего отлета в Москву, ей стало не по себе.

– В Англию летите? Хорошо вам, а у меня школа...

– Дождись каникул, да лети, кто тебе не дает?

– Я бы хотел с вами... – и все в таком духе.

– Я встречу вас! – крикнул он ей на прощанье, перед тем, как за ней закрылась прозрачная стеклянная дверь. «Только этого еще не хватало...»

– Кто это? – спросил Логинов. – Что-то раньше я этого парня здесь не видел... Откуда ты его знаешь?

– Ниоткуда. Я его вообще не знаю. Просто для прокурора ты крайне невнимательный: этот мальчик преследует меня еще с сентября... Влюблен в меня, понимаешь?

– Конечно, понимаю. Ну так отшей его или, если хочешь, это сделаю я...

– Вот когда за тобой будут бегать школьницы, тогда и будешь отшивать, а я уж разберусь как-нибудь сама...

Соня, человек импульсивный, увидев Наталью, всплакнула.

– Если бы ты знала, как я за тебя переживала... Столько часов на самолете... Погода мерзостная, дожди, туман... Я специально слушала и смотрела все новости, чтобы только узнать, как там, в Англии...

– В Англии все, в основном, английское. Люди там поглощены собой. День и ночь считают фунты стерлинги. Это их естественное занятие.

Ей было весело, хорошо, тепло... Она вернулась, наконец, домой.

Соня накрыла в гостиной. К горячим пельменям подала острый красный соус и сметану. Сергей с Игорем пили ледяную водку, Наталия с Соней – шампанское.

Раздался телефонный звонок. Игорь Логинов шумно вздохнул:

– Можете застрелить меня, если это не Сара...

И он оказался прав.

– С приездом! – услышала Наталия ее близкий голос. – Пьете, небось?

– Ты же знаешь нас... Сара, если хочешь, подъезжай, у нас пельмени, икра...

– Ты мне нужна.

– Прекрасно. Если не приедешь, то встретимся завтра.

– Я, наверно, сама-то подъехать не смогу, если можно, то я направлю к тебе одного человека. Он хороший и зовут его Андрей. Ему тридцать два года. Ему надо помочь. С условиями он ознакомлен... Я бы сейчас тебе кое-что сказала, может, ты начнешь уже прямо сейчас...

– А что случилось?

– Помнишь, ровно год тому назад из тридцать второй школы ушла и не вернулась учительница математики, Ирина Литвинова? Об этом еще тогда писали все газеты, а потом ее труп выловили из реки в районе Соснового бора...

– Конечно, помню. Ей устроили пышные похороны... Она была еще совсем молодая...

– Так вот, Андрей – ее друг, жених или кто-то в этом роде... Он полтора года был в командировке в Сирии... И когда она перестала писать ему письма, подумал, что она просто вышла замуж на другого...

– А за кого, он не сказал?

– Ну ты даешь... Откуда ты знаешь, что он кого-то подозревает?

– Интуиция.

– Да, он думал, что она вышла замуж за Валентина Самсонова, журналиста «Вечерней газеты»... Между прочим, они были друзьями... Вот и представь себе, Андрей возвращается и узнает, что Ирина мертва, а Самсонов уже больше года как работает в Москве... Потому-то ему никто и не написал... А если кто и был из общих знакомых, которые могли бы ему сообщить о ее смерти, то, наверно, у них не было его адреса...

– А разве Литвинова жила одна? Родственники-то у нее были...

– Нет. Никого у нее не было. Знаешь, по-моему мы с тобой заговорились... Думаю, что в общих чертах ты все поняла... А остальное расспросишь у Захарченко...

– Это его фамилия?

– Да, Андрей Захарченко. А я тебе завтра позвоню... Ты привезла мне то, о чем я тебя просила?

– Привезла... Ты получишь их при встрече...

Сара была большая оригиналка и попросила Наталия привезти ей из Англии носовые платки с кружевом ручной работы и, если встретятся, с вышивкой...

Наталия опустила трубку и только тогда поняла, что уже давно находится в прихожей не одна: Игорь слышал весь ее разговор.

– Ты снова подслушивал?

– Что значит снова? Я просто ждал, когда ты освободишься, чтобы пригласить на чай...

– Неправда, ты шпионишь за мной.

– Тебя просят заняться Литвиновой?

– Ты же сам все слышал...

– Но ведь это же было самоубийство. Эта девушка сама утопилась. На ее теле мы не нашли ни единой царапины...

– Но ведь ПРОСТО ТАК в реку никто не бросается, не так ли?

Логинов шумно вздохнул:

– Вот теперь я действительно ощутил, что ты вернулась...

Он хотел что-то сказать, но лишь вздохнул и широко развел руками: жест, означавший, что он бессилен и что он готов снова терпеть ее постоянные отлучки из дома и вздрагивать всякий раз, слыша ее голос в телефонной трубке у себя в прокуратуре, думая, что она снова попала в какую-нибудь переделку...

– Слушайте, люди, – дверь открылась и показалась голова Сапрыкина, – как вы думаете, сколько можно сидеть перед тортом, причем разрезанным на большие куски, и не есть его?

– Думаю, что несколько... – Наталия улыбнулась и похлопала Логинова по плечу. – Идем, потом поговорим...

Глава 2

Андрей. Молодой насильник

Ночью она на цыпочках вышла из спальни и заперлась у себя в кабинете. При свете луны, которая светила в окно, села за рояль, открыла его и коснулась пальцами клавиш. Она соскучилась по этим прохладным гладким клавишам и по тому сложному душевному состоянию, которое ее охватывало всякий раз, когда она предчувствовала НЕЧТО, что заставляло ее сердце биться быстрее, а мозг – работать в полную силу.

Это было удивительно, хотя и пугало своими неожиданными видениями.

Она взяла ре-минорный аккорд и принялась тихо наигрывать старинную английскую балладу «Ласточка-касатка»... И сразу же возникла узкая улочка, вымощенная булыжником, а по ней двигается, вихля бедрами, барышня, одетая в узкое синее пальто с пушистой песцовой горжеткой, застегнутой на пышной груди. На голове девушки белая шляпка-таблетка, лицо раздумянилось, ярко накрашенные губы улыбаются... Она хороша и беспечна. Но кто она?

Девушка приблизилась настолько близко, что Наталия почувствовала сладковатый запах... Так пахнут свежие булочки с ванилью... И точно, появилась вывеска «Кондитерская Берковского». Девушка отворила дверь кондитерской, и до Наталии донесся звон колокольчика. «Господин Берковский, ау...»

Наталия опустила руки, затем быстро поднялась со стульчика, на котором сидела, подошла к подоконнику, где лежал блокнот, куда она записывала все самое важное, что увидела или услышала в своих ВИДЕНИЯХ, и записала: «Кондитерская Берковского; синее пальто, песцовая горжетка, белая шляпка-таблетка, курносый носик, румянец, красные губы; улица, вымощенная булыжником; запах булочек с ванилью.» В комнате, казалось, до сих пор пахло ванилью.

Наталия вышла из кабинета и уже через мгновение стояла на кухне возле холодильника. «Чем я лучше Обломова? Или, наоборот, чем хуже?» Она открыла холодильник, достала блюдо с оставшимся ореховым тортом и поставила на стол. Затем согрела чайник и с удовольствием съела большущий кусок торта. Запивая чаем это ореховое чудо, она подумала о том, что ночью все чувства людей все же обостряются и даже еда кажется вкусней... «Ночь – время наслаждений...»

Она вернулась в постель и принялась тормозить Игоря.

– Логинов, – шептала она ему прямо в самое ухо, – просыпайся, соня, еще только два часа ночи... Я зачем с тобой, собственно, живу, чтобы смотреть, как ты спишь или ешь? Просыпайся, я же приехала... Ну же... Если хочешь, я и тебе принесу кусочек торта, но это потом, а сейчас поцелуй меня...

Утром, в девять, когда Соня на кухне мыла посуду после завтрака, а Наталия приводила в порядок свой гардероб, в дверь позвонили.

– Я – Захарченко, – представился высокий брюнет со светлыми глазами и взглядом разочаровавшегося в жизни человека.

– Проходите, пожалуйста, – Наталия впустила его в квартиру. – Хотите кофе?

– Если честно, то я уже и сам не знаю, чего хочу... Кофе, чай... В последнее время я не ощущаю вкуса... Вы видите перед собой живого мертвеца...

Она провела его в гостиную и усадила в кресло.

– Сара буквально в двух словах рассказала мне цель вашего визита ко мне, и вот что мне показалось странным в первую очередь: как так могло случиться, что ни одна живая душа

не сообщила вам о смерти любимой вами девушки? Ведь весь город только и говорил об этой трагической гибели... У вас что, нет друзей?

– Понимаете, первые три месяца я жил в Дамаске, а потом нас, геофизиков, перевели в Алеппо... Я должен был вернуться через четыре месяца. Мы с Ирой условились, что она напишет мне и скажет ответ... Дело в том, что как раз перед отъездом я сделал ей предложение. Я знал, что у нее был роман с Самсоновым, но понимал, в тоже время, что она никогда не будет счастлива с таким человеком, как он...

– Почему?

– Он – как птица, порхает с ветки на ветку. Словом, Самсонов не создан для семейной жизни. И Ира тоже это знала. Она никак не могла выбрать, за кого же ей выйти замуж... А мне, как назло, надо было срочно уезжать... Вот мы с ней и условились, что когда она примет окончательное решение, то напишет мне... И мне действительно пришло письмо. Но там и слова не было о моем предложении... Так, обычные, ничего не значащие слова... И только в конце одна фраза: «Я думаю.»

А потом... тишина. И я все понял. И еще подумал тогда, что так, наверное, будет честнее, чем она будет писать мне дежурные письма о погоде и самочувствии... Поэтому-то я и остался там еще на целый год. И вот представьте себе мое состояние, когда я возвращаюсь домой и узнаю, что Ира покончила жизнь самоубийством...

– А кто вам сказал о ее смерти?

– Соседка... Я приехал и первым делом полетел, конечно, к ней... Знаете, все вдруг всколыхнулось во мне, словно и не было этих полутора лет... Я звоню-звоню, а она выходит и говорит, что Иры больше нет... И плачет...

– А Ира тоже жила одна? У нее не было родных, которые могли бы сообщить вам о ее смерти?

– У нее была тетка, так она умерла еще до моего отъезда. А что касается общих знакомых, так их, практически, и не было... Разве что Самсонов... Он мой одноклассник... Он-то меня, собственно, и познакомил с Ириной, когда она приехала в наш город...

– Выходит, это ВЫ пытались отбить девушку у своего друга?

– Выходит, что так... Но я ее не отбивал... У нас с ней были сначала просто дружеские отношения. Когда Валька начинал чудить, то есть уезжал в командировки и запивал там, она всегда звонла мне, плакала, я приезжал к ней, успокаивал, водил ее в кино... И вот один раз не удержался... Думаю, что она и сама была непротив нашего сближения... Вот и получается, что она любила Самсонова, но для жизни выбрала меня... В принципе, она мне как-то раз приблизительно это и сказала... В иносказательной форме, конечно, но я понял...

Наталия понимала его: длительная командировка в Сирию служила проверкой не только для Ирины, запутавшейся в своих мужчинах, но и для самого Андрея, которому было бы намного проще забыть ее, находясь далеко, чем видеть, как она страдает от любви к непутевому Самсонову. Очевидно, здесь сработал инстинкт самосохранения. Ну и конечно, он надеялся на то, что Ира, оставшись наедине со своими сомнениями и ощутив одиночество рядом с любимым ею человеком, поймет, наконец, с кем она будет по-настоящему счастлива... Ведь именно одиночество и толкнуло ее в его объятия.

– Я что-то не пойму, Самсонов-то сам любил ее?

– Говорил, что любил, но он вообще любвеобильный...

– Вы хотите сказать, что у Самсонова, кроме Иры были еще женщины?

– Понимаете, он журналист, ему приходилось много ездить, встречаться с людьми... Он мог, к примеру, уехать в какую-нибудь дыру, в степь, и жить там с какой-нибудь девицей, жить и пить... Он называл это романтикой, хотя все кругом понимали, что это элементарная распущенность, расхлябанность...

– Самсонов сейчас в Москве...

– Да, представьте, его пригласили в Москву... Потому что он, не смотря ни на что, талантлив, оригинален... Этого у него не отнять. Будем надеяться, что в Москве он будет вести себя как-то иначе... Хотя, как мне кажется, комфортнее всего он чувствовал бы себя на телевидении... Он просто должен быть на виду, он должен всех восхищать, поражать, удивлять и потрясать... Уж такой это человек...

– Он красивый? – невольно вырвалось у Наталии, потому что она не видела этого яркого и оригинального Самсонова, и очень удивилась бы, узнав, что у него обычная внешность.

– Да, он красивый... – и Андрей посмотрел на нее с вызовом. – Но ведь и я не урод, если вы об этом...

– Да нет, что вы... Просто я несколько абстрагировалась... Вы так интересно о нем рассказывали, что мне захотелось его увидеть...

– Он похож на Нежинского... Только грубоват... А внешность, как у ангела...

– Понятно. – Наталия почувствовала себя неловко под взглядом своего визави. – Так что вы хотите от меня? Узнать причину ее самоубийства?

– Не столько причину, сколько ЧЕЛОВЕКА, вызвавшего эту причину... Ведь пока она была со мной, ничего такого с ней не случилось... Она вообще была сильным человеком. Когда дело не касалось ее чувств, конечно... Вы же знаете, она преподавала в лицее...

– В лицее, а не в школе?

– Когда только окончила университет и приехала к нам, то работала в школе, ее заметили и пригласили в лицей... Но она отказалась, считая, что все дети одинаковые и их нельзя подразделять на обычных школьников и лицеистов... Но потом у нее эта дурь прошла... Лицей – это оказалось престижным и денежным...

– А как складывались у нее отношения в лицее с педагогическим, так сказать, коллективом?

– По-моему, отличные... Ира, во всяком случае, была всем довольна. Она вела младшие классы и мечтала на будущий год взять себе два старших.

– Она же математик?

– Да, она была сильным математиком... А как педагог была очень принципиальна... Для нее важны были не оценки, а отношение ученика к поставленной задаче. Она считала, что посредством математики можно влиять на формирование характера ребенка в целом... Кажется, на эту тему она собиралась писать диссертацию... Не могу привыкнуть к мысли, что ее нет... Вот, кажется, сейчас зайду к ней в лицей, открою дверь ее класса или учительской, как сразу увижу ее стройную фигурку с высоко поднятой головой... Она носила высокий конский хвост...

Он так часто повторял слово «высокий», что Наталия поняла: для него Ирина была слишком высока, недостижима... И вполне возможно, что так оно и было на самом деле...

– У вас есть координаты Самсонова?

– А зачем они вам? Насколько мне известно, вы способны УВИДЕТЬ НЕЧТО, не вставая с места...

– Вас не должно касаться, как я буду работать... Прошу заранее извинить меня за грубость, но если я спрашиваю у вас координаты Самсонова или что-то еще, имеющее отношение к делу, то вы должны помогать мне, а не задавать дурацкие вопросы... Уверю вас, если бы я сидела на месте, я бы не раскрыла ни одога преступления... Мне приходилось рисковать жизнью, чтобы соединить все логические нити, ведущие к развязке... Я довольно часто сама становилась приманкой, мишенью, чтобы только вывести на свет преступника... То, что я ВИЖУ, как вы говорите, лишь обрывки каких-то чужих ассоциаций... К примеру, я вижу, что идет снег и больше ничего. И что ж с того? Разве могло мне придти в голову, что женщина, которую я разыскиваю, мертвая лежит на дне глубокого оврага и ее медленно засыпает снегом?... Все не так просто, как вам может показаться. И если мне понадобится съездить в Москву, чтобы

побеседовать с Самсоновым, меня уже никто не остановит... Если дело будет интересное и я увлекусь, что, даже в случае вашего нежелания продолжить расследование, я буду действовать самостоятельно... Надеюсь, Сара предупредила вас об авансе?..

– Да, разумеется...

– И все же, Андрей, признайтесь: вам хотелось бы, чтобы виновным был Самсонов? Но вам нужны доказательства?

Он ничего не ответил. Просто достал записную книжку и, порывшись в ней, выписал на чистый листочек его московский телефон и адрес и протянул мне.

– Знаете, что я заметила?

– И что же? – он почему-то не смотрел в мою сторону.

– А то, что вы очень мало рассказали об Ирине... У вас есть ее фотография?

– Да, извините... – он снова достал записную книжку и вырвал оттуда несколько листов, – вот, пожалуйста, фотография и адрес...

– Вы не знаете, кто сейчас живет в этой квартире?

– Кажется, теперь она принадлежит муниципалитету, но там никто не живет... Так, во всяком случае, мне сказала соседка... А теперь деньги...

Он достал из кармана пальто деньги и протянул Наталье.

– Здесь ровно тысяча. Да, чуть не забыл... Сейчас я оставлю вам свой телефон... Скажите, вам будет удобнее, если я сам вам позвоню или...

– Как вам будет угодно... Возможно, вы и сами узнаете что-нибудь новое и захотите мне рассказать... Знаете, всякое бывает...

И он ушел, даже забыв попрощаться. Но уже через пару минут вернулся:

– Извините... У меня голова кругом от всего этого... Я просто хотел сообщить вам, что сегодня в три часа в лицее будет поминальный обед в честь годовщины смерти Ирины... Думаю, если вы пойдете туда, то узнаете намного больше о ней... Возможно, что встреча с людьми, которые были близко знакомы с Ирой, как-то повлияет на ваши ВИДЕНИЯ...

Этот Захарченко начал уже раздражать Наталию своим активным вмешательством в сферу ее подсознания и всего того, что позволяет ей ВИДЕТЬ... Не иначе, как Сара разоткровенничалась с ним больше, чем достаточно, когда говорила ему о Наталии и ее возможностях.

– Хорошо, я подумаю. Только я не знаю, где находится ваш лицей...

– Это бывшая женская гимназия на улице Гончарова...

– Я поняла... А вы-то сами там будете?

– Конечно...

Ей хотелось сразу же после его ухода сесть за рояль и попытаться что-то увидеть, но ей помешали. Как, собственно, всегда. Она уже давно заметила, что обстоятельства в ее жизни складываются таким образом, что ей иногда приходится вести расследования, лишь исходя из интуиции и логики, и, практически, лишь отчасти привлекая сюжеты своих видений. А сколько раз бывало и такое, что у нее просто не было возможности сесть за инструмент! А ведь видения посещали ее лишь в момент музицирования на рояле дома или пианино, где бы оно не находилось... А уж случаев, когда она, увлекшись распутыванием или проверкой собственных версий, просто-напросто ЗАБЫВАЛА о своем даре, было и вовсе не счесть.

Раздался звонок в дверь. «Сара, – подумала Наталия, – кому же еще быть?» Но уже возле двери она засомневалась: Захарченко только что вышел, не может такого быть, что, встретившись с Сарой на лестнице, они бы не обмолвились ни словом...

Соня, которая тоже вышла на звонок из своей комнаты, пожала плечами: обычно и она могла предположить, кто мог придти в такой час.

Наталия открыла первую из двух дверей, чтобы посмотреть в глазок (эту привычку ей с большим трудом привил осторожный Логинов), но увидела лишь темное пятно: глазок кто-то закрыл.

– Кто там? – спросила она.

– Не бойтесь, это я, Герман...

– Какой еще Герман?

– Я замерз, вы не могли бы угостить меня чаем?..

Повернувшись к Соне и приложив палец к губам, Наталия прошептала:

– Представляешь, это тот самый мальчик, который ХОЧЕТ МЕНЯ... – и прыснула в кулак. – Как ты думаешь, мы сможем угостить его чаем?

Соня усмехнулась и развела руками.

– Тогда приготовь нам чай, пока мы будем разговаривать в гостиной и постарайся сделать так, чтобы он тебя не увидел... Он парень разболтанный, распушенный, если начнет приставать, я тебя позову, хорошо?

Она и сама не могла понять, зачем впускает в дом незнакомого парня, но раздумывать было уже поздно: дверь открылась и она увидела Германа.

Он был уже без шапки. Темные вьющиеся волосы, прозрачные зеленые глаза с черной точкой зрачка. Красивый, нахальный и еще совсем ребенок...

– Ну, проходи... – она пригласила его войти. – Раздевайся.. Ты что же это изменил своим правилам и пришел так рано? Если мне не изменяет память, ты приходишь сюда часов в пять или половине шестого?

– Соскучился, вот и пришел...

– А что, у вас сегодня уроков нет?

– Так ведь сегодня же первое ноября... Выпал первый снег... Но самое главное – у нас начались осенние каникулы...

– Понятно... А что касается снега, то я что-то не заметила...

– Это потому, что он уже успел растаять...

Она провела его в гостинную, в которой она всего минут десять тому назад беседовала с Захарченко и невольно усмехнулась: у нее сегодня день приема по личным вопросам.

– Так что тебе от меня нужно? Предположим, что я угощу тебя сейчас чаем, а что дальше?

– Я не такой маленький, как вам это могло показаться... Кстати, вам очень идет этот белый джемпер...

И вдруг он бросился на нее и повалил на диван... Этот мальчик оказался не таким уж и ребенком, потому что губы его просто впелись в ее губы, а руки с силой заскользили по мягкой ткани джемпера, задирая его...

– Пусти, негодяй... Что ты собираешься сделать?

– Лежи спокойно... Тебе понравится...

От такой наглости Наталия озверела и принялась хлестать Германа по лицу, а потом, когда почувствовала, как этот молодой хам раздвигает ей рукой ноги, окончательно разозлилась и расцарапала ему щеку...

Появившаяся на шум Соня ахнула:

– Может, милицию вызвать? – она испугалась не на шутку.

Герман, вскочив, резко повернулся и, увидев Соню со скалкой в руках, попятился к окну.

– Спокойно, – тяжело дыша проговорил он, морщась от боли и касаясь рукой разодранной щеки, – кошки... Да вы просто кошки... Суки...

И выбежал из квартиры...

Наталия бросилась следом, чтобы убедиться, что этот подонок не оставил на вешалке свои вещи: нет, он все успел схватить перед тем, как сбежать.

– Ничего себе попили чаю, – сказала она, все еще не в состоянии придти в себя. – Ты видела, что он со мной делал? Он силен, как молодой волк... А какой грубый...

– Но так он же предупреждал, что ХОЧЕТ ТЕБЯ...

– В следующий раз буду осторожнее... Если честно, Соня, то мне было просто любопытно, чем все это закончится... Я ведь предполагала, что он начнет мне рассказывать про свою первую любовь или, уж во всяком случае, про свои чувства ко мне... А он меня чуть не изнасиловал... Мрак!

– Я думаю, тебе лучше выпить чаю со мной... Тем более, что наконец-то мы с тобой остались вдвоем и мне надо тебе что-то сказать...

– Уж не собираешься ли ты, наконец, выйти замуж за Сережу?

– Я – беременна...

– Ну наконец-то, я уж думал, что ты никогда мне об этом не скажешь...

– Ты хочешь сказать, что ЗНАЛА об этом?

– Конечно... Я это почувствовала еще перед объездом в Лондон. Ты изменилась и внешне и внутренне... Я даже чуть было не спросила об этом у Саргея...

– Нет-нет! Ему ничего не говори... Я не хочу, чтобы он женился на мне лишь по-необходимости... Я дала себе, а вернее, ему – срок. Если в течение месяца он мне не сделает официальное предложение, я порву с ним... Это решено.

– Но ведь он тебе уже делал предложения...

– Все это было не то... Это было, как бы получше объяснить – не официальное предложение, а просто какие-то намеки, фразы...

– Не переживай, думаю, что он уложится в срок...

– А ты можешь пообещать мне, что ничего ему не скажешь? ПОНимаешь, я хочу, чтобы у нас было все по-настоящему и чтобы он женился на мне не из чувства ответственности, а из за любви...

– Хорошо, обещаю... А теперь скажи, у нас еще остался торт?

– Опять торт? Ты же разжиреешь, Ната! В тебе уже и так пятьдесят один килограмм...

– Логинов говорит, что это верный признак дистрофии при моем высоком росте, а ты упрекаешь за торт... Что-то я вас не пойму...

Глава 3

Поминальный обед в лице

После чая она заперлась в кабинете и села за рояль и взяла несколько аккордов. Постепенно, из звукового заоса выделилась грустная плавная мелодия...

На этот раз Наталия оказалась на берегу реки... Она думала об Ирине Литвиновой и хотела увидеть нечто, что могло быть связано с ее смертью, и она увидела.

Бегущую девушку в клетчатой мужской рубашке... Она бежала прямо по земле, босая, с голыми ногами... Лица девушки не было видно... Судя по раскрывшемуся перед ней пейзажу, была поздняя осень, приблизительно такая же погода, как и сейчас, начало ноября... Ветер, снег с дождем, река рябит и пугает своей свинцовой поверхностью... Слышен вой ветра, шум шагов и тяжелое дыхание... И еще плеск воды... И вдруг возник крупный план: синевато-белое, искаженное до неузнаваемости лицо и воротник клетчатой рубашки... И еще запах... очень странный запах воды, земли, водорослей и чего-то сладковатого и мерзкого, что ассоциировалось почему-то с комарами...

Она вышла из кабинета с мерзким чувством, словно только что наяву видела утопленную.

Она рассказала об этом Соне.

– Слушай, ты мне лучше такие вещи не рассказывай, а то я, чувствую, что не доношу своего ребенка в этих стенах... Такие страсти рассказывать беременной женщине...

– Да, Соня, ты права... Но где мне взять столько мозгов, чтобы понять, при чем здесь эта мертвая девушка, которую я только что увидела, с ПРИЧИНОЙ, заставившей ее броситься в реку? Как можно по таким вот идиотским картинкам вычислить мотив и, тем более, узнать, КТО ИМЕННО толкнул ее на подобный шаг... Я вот лично, чтобы со мной не случилось, никогда в жизни не брошусь в холодную воду... Разве что, если по моей вине погибнет все человечество... Но и тогда какой смысл мне будет расставаться с жизнью, раз меня никто не осудит? Буду себе жить одна... Пока не съем все, что найду на этой планете, не умру...

– А как же насчет того, чтобы потрудиться, чтобы добыть себе пропитание?

– С этим покончено, Соня. Я развратилась окончательно. Обленилась, просто сил никаких нет... Скорее всего, от лени-то я и умру... Просто поленюсь открыть холодильник и умру голодной смертью...

Опомнившись, что уже с минуту несет полную охиною, Наталия усмехнулась:

– Я же еще не рассказала о том, что произошло со мной в Лондоне... Ты можешь мне, конечно, не поверить, но и там, в гостинице, на меня напал солдат конного караула с Хорс-Гардс подразделения «Блюз-энд-Ройлз», представляешь?

– Как это ты все это выговариваешь?

– Да никак... Звали его очень просто – Гарри. Гарри Робинсон. Мы познакомились с ним на Пикадилли и он вызвался быть моим гидом...

– Неужели ты настолько хорошо знаешь английский?

– К сожалению, нет, просто у него отец русский...

**

Женская гимназия на улице Гончарова, несколько лет тому назад отреставрированная как памятник архитектуры и представляющая собой большое четырехэтажное здание, всем

своим видом напоминавшее рождественский торт, была превращена в престижный лицей, где учились за большие деньги дети богатых людей города.

Рядом с лицеем всегда стояло много иномарок, но только не сегодня, не первого ноября, когда дети были отпущены на осенние каникулы, а учителя собрались, чтобы помянуть погибшую трагически в прошлом году преподавательницу математики Ирину Валентиновну Литвинову.

– Вы на обед? – спросила Наталию солидная дама в темно-красном костюме и трагическим выражением на лице. Наталия столкнулась с ней как раз возле гардероба, где стояла в нерешительности, не зная, где же будет проходить поминальный обед.

– Да, меня пригласил Захарченко...

– А это кто?

– Это, если я не ошибаюсь, жених Ирины Литвиновой.

– Ах, да, Андрей... Он уже там... А вы кто ей будете, простите? Надеюсь, не журналистка?

– Нет... А с кем имею честь разговаривать? – в тон ей спросила Наталия.

– Как кто, разве вы меня не знаете? Я директор лицея, Марцелова Майя Борисовна...

– Тогда мне придется представиться... – и Наталия протянула даме фальшивое удостоверение штатного работника Федеральной службы безопасности, которое ей помог сделать один клиент...

– Проходите, пожалуйста, – смягчилась Марцелова и даже взяла Наталию под локоть. – Вы уж извините меня, но я должна знать все!

– Разумеется...

Она села рядом с Андреем, который показался ей бледным и взволнованным. Все собравшиеся на обед, расселись вдоль длинного прямоугольного стола, и две женщины в белых халатах принялись обносить их тарелками с горячими щами. На столе стояли селедочницы с сельдью, посыпанной зеленым луком, глиняные чашки с кутьей, блюда с пирогами, графины с компотом, корзинки с хлебом, бутылки с выпивкой и стаканы...

Наталия смотрела на все это и не могла взять в толк, зачем было этой даме, акуле (ведь чтобы занять пост директора самого дорогого и престижного в городе лицея надо иметь острые зубы и быть по натуре хищницей) по своей природе, устраивать этот поминальный обед? Ведь на поминки пришло человек пятьдесят... И, судя по всему, это был, в основном, преподавательский состав... Тихие, какие-то пришибленные учителя с затравленным взглядом... Создавалось ощущение, словно они и сами не знают, к чему весь этот фарс. Кто такая была Литвинова, что ради нее устраивается этот мини-банкет? Обычная учительница математики, проработавшая в лицее чуть больше года. Быть может, именно в этом и заключается тайна?

Наталия рассматривала присутствующих с нескрываемым любопытством, пытаясь понять, с кем из них могла дружить Ирина.

Ее портрет висел на стене: ослепительная улыбка, живые темные глаза и красиво уложенные темные волосы... Она была так молода! Двадцать пять лет. Начало жизни.

Никто, кроме Марцеловой, не сказал ни слова о Литвиновой. Обед проходил в кабинете директора и все чувствовали какую-то неловкость... Это ощущалось в той тишине, которая прерывалась лишь позвякиванием посуды, да какими-то утробными, физиологическими звуками, которых, скорее всего и не было, но они мерещились, стоило только бросить взгляд на жующих, пьющих, чавкающих и икающих людей.

Поймав на себе пристальный взгляд директрисы, Наталия, понимая, что настал подходящий момент, жестом пригласила Марцелову выйти из кабинета для разговора.

Они встретились в коридоре возле окна, за которым медленно шел снег.

– Вы не можете мне объяснить, уважаемая Майя Борисовна, что все это значит? Что это за фарс? Когда в прошлом году в школе-интернате убили преподавательницу химии, помните,

ее нашли с простреленной головой в овраге, району ни копейки не выделило на ПЕРВЫЕ поминки... Учителя сами складывались и готовили, а потом еще и дали денег ее престарелой матери... А ведь Солнцеву очень любили... Но люди есть люди... Прошел год и о ней никто не вспомнил... Вернее, каждый в душе, конечно, вспомнил, но никаких поминок не устраивали... А ведь она проработала в интернате восемь лет... Скажите, какой была Литвинова и кому принадлежит инициатива ЭТОГО ПОМИНАЛЬНОГО ОБЕДА?

– Как кому? – густо покраснела Марцелова. – Мне, кому же еще... У нас в лицее еще никто не умирал, слава Богу, поэтому я и решила...

– Но ведь это же очень дорогое мероприятие... Хотя больше всего меня поразило то, что учителя, которые собрались там, у вас в кабинете, не сказали о ней ни слова! Почему? Потому что нечего сказать? Или они о ней ничего не знают!?

– Да, вы все точно подметили... Понимаете, Литвинова была достаточно сложным человеком... Принципиальным... У нее были даже конфликты с учениками и мне приходилось их как-то улаживать... У нее был свой подход к детям... Они и уважали ее и побаивались...

– Тогда почему вы ее просто не уволили? В городе вы бы нашли несколько десятков более опытных преподавателей, не отягощенных, так сказать, принципами... Вы понимаете, о чем я?

Марцелова смотрела в окно.

– Я не могла ее уволить, потому что у нее были хорошие покровители...

– Это они оплатили обед?

Она кивнула головой.

– И все же: какая она была, как человек?

– Знающая себе цену, вот какая... Она хорошо знала свой предмет, но характер у нее был просто невыносимый... Она работала так, что упрекнуть ее было, практически, невозможно, но ладить с людьми не могла...

– А вы не знаете, почему она покончила собой?

– Люди говорят, что она была безнадежно влюблена в Самсонова, слышали, наверно, был у нас такой журналист... Он сейчас в Москве...

– Вы не обязаны мне отвечать, но все-таки: кто были ее покровители? Вы же сами только что сказали, что она была влюблена в Самсонова... не следует ли из этого, что ее покровители ценили в ней прежде всего преподавателя, нежели женщину?

Марцелова бросила на нее недовольный взгляд:

– Разве я могу это знать? Человек, который просил меня за нее, покрывает основные расходы лицея... Я могу, конечно, назвать его имя, но уверяю вас, ОН НЕ ПРИ ЧЕМ... Он слишком стар для Литвиновой как мужчина (ведь вы же именно ЭТО имели в виду, когда спрашивали, ЧТО именно ценили ее покровители) и не мог бы послужить причиной ее решения... Она добровольно ушла из жизни скорее всего по каким-то своим, внутренним конфликтам... Она в последнее время была как сплошной комок нервов... Работала на износ, писала диссертацию, словом, тянулась вверх...

– Так вы назовете имя этого человека?

– Хорошо. Это Монахов Константин Андреевич.

– Монахов? – Наталия чуть не присвистнула. Она совсем недавно читала о бывшем директоре «Трансгаза» Монахове, который собирался баллотироваться в депутаты Госдумы, не смотря на свои шестьдесят восемь. – Его внуки учатся в вашем лицее? – догадалась она.

– Нет, не внуки, а единственный сын, Гера... Старший его сын погиб в авиакатастрофе двадцать лет назад... Константин Андреевич женился еще раз, и вот от второй жены у него родился еще один сын... Можете себе представить, как сильно он его любит и все вытекающие от этого последствия...

– Что вы имеете в виду?

– Он трудный ребенок, которому прощается все!

– Литвинова вела что-нибудь у этого мальчика?

– Да, конечно... С него-то все и началось... Он бросил в

Иру банку из-под колы и сказал, что она... Словом, он оскорбил ее. А она подняла банку с пола и с размаху ударила его... Когда мне это рассказали, я думала, что не вынесу... Но мальчик, как это ни странно, ничего отцу не рассказал... Больше того, на следующий день он публично принес ей свои извинение... А через неделю я сама, собственными глазами, видела, как Литвинова садилась в мерседес Монахова... Как же я могла ее уволить? Да и сам Константин Андреевич сказал мне как-то, чтобы я повнимательнее отнеслась к Ирине Валентиновне, что она талантливый педагог и все в таком духе... Я была потрясена...

– Все более, чем странно... – проговорила Наталия и, поблагодарив, вернулась за стол.

Захарченко, уже заметно опьяневший, смотрел на нее слезящимися глазами и, казалось, хотел ее о чем-то спросить.

– Не здесь и не сейчас, – ответила она на его взгляд и принялась за селедку.

Глава 4

Клыки, когти и чешуя

Как ни странно, но, когда она вернулась, Логинов был уже дома.

– Игорь, что с тобой случилось? Еще только шесть часов!

Он обнял ее:

– Во-первых, я по тебе соскучился, а во-вторых, мы с Сапрыкиным с ног сбились, разыскивая тебя по всему городу... Дважды я звонил Саре, а один раз даже заехал к ней, потому что не доверяю...

– Ты думал, что она бы не сказала тебе, что я у нее? Это глупо, Логинов... Она любит, конечно, приврать, но, поверь мне, во всем знает меру... А что, собственно, случилось? Зачем я вам так понадобилась?

– Скажу – не поверишь.

– Неужели убийство?

– У тебя такой платонической блеск в глазах... Убийство, ты угадала... Но ничего подобного, уверяю, ты еще не видела... Нашли труп одного парня... Возле кладбища... Место тихое, но когда темнеет, там на пустыре собираются бомжи... Они живут там в каких-то палатках, шалашах... Так вот, кладбищенский сторож слышал какие-то странные звуки, он испугался и бросился к воротам, где как раз стояла машина с мужчиной, который приехал, чтобы положить цветы на могилу брата... Мужчина, надо сказать, оказался храбрым... Он посадил сторожа, которого, правда, знал в лицо, к себе в машину и они поехали на то место, откуда доносились эти странные звуки...

– Какие звуки-то? Скажи толком!

– Говорю же – СТРАННЫЕ... Словно звери рвут друг друга на части...

– Ого! И что же дальше?

– А то, что наткнулись она на труп... Тело еще было теплое... Не дотрагиваясь до трупа, эти двое поехали к первому же посту ГАИ и сообщили о своей находке... А потом позвонили и мне... Когда мне осветили тело, я сам чуть не умер от разрыва сердца... Ты себе не представляешь, парню разорвали горло... Как будто бы зверь какой... Тело погрузили и отвезли на экспертизу, а наши люди остались, чтобы поработать на месте, поискать следы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.